

Миссия Сокурова

В Москве показали долгожданный «Русский ковчег»

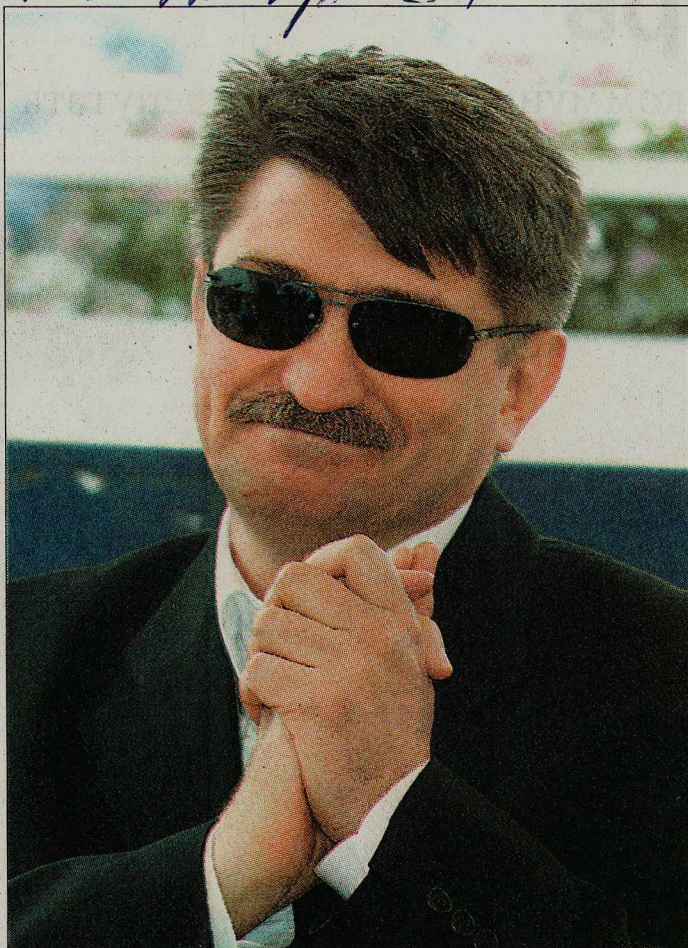
Независимая. - 2003. - 22 апр. - С. 7.

Екатерина Барабаш

Александр Николаевич Сокуров неприметен в том смысле, что в отличие от многих своих коллег не ратует за «православие, самодержавие, народность»; не посещает киношные съезды, пленумы и посиделки; не голосует, не баллотируется, не играет в аппаратные игры. Невысокий прихрамывающий человек с тихим голосом вроде бы просто снимает кино, не декларируя при этом, что он русский, и это многое объясняет.

За Сокуровым давно закрепилась слава элитарного режиссера, для своих, для тех, кто понимает. Любая репутация — штука прилипчивая. Репутация гениального художника не от мира сего, доступного и понятного лишь избранным, практически несмываема. Давно уж канули в Лету времена, когда Сокуров снимал «непонятное» кино — «Скорбное бесчувствие», «Одинокий голос человека», «Духовные голоса», «Дни затмения»... Последние его картины — «Молох», «Телец» — столь блистательно сняты, столь и просты, даже примитивны идейно. Актерская игра, картинка, технические изобретательства — так у нас, кроме Сокурова, действительно не снимает никто. И если в «Молохе» еще был некий замысел — показать убогость тех, кого мы себе выбираем, а значит, сами виноваты в бедах народных, — то «Телец» — уже типичное кино для кино.

«Русский ковчег», безусловно, войдет во все учебники по истории кино. «Русский ковчег» — это, конечно, подвиг. Другой вопрос — можно ли считать достижением подвиг ради подвига? Да простят поклонники этого фильма — так и осталось автору этих строк непонятным, зачем все было снимать одним дублем, без продыху, без остановок? Если можно было снять в несколько дублей, с остановками камеры? Совершенно очевидно: для того чтобы именно этим фактом привлечь «не

Александр Сокуров радуется: Россия попала в первую сотню стран, увидевших «Русский ковчег». Фото Reuters

своего» зрителя, не любителя элитарного кино. Остальные сами пойдут.

Про «Русский ковчег» уже, кажется, известно все, и нет смысла в очередной раз пересказывать сюжет, восхищаясь замыслом (вся история России за полтора часа одним дублем по залам Эрмитажа) и профессиональнейшей мощью его воплощения. Все знают, что камера оператора весила 35 кг, и стоический немец Тильман Бюттнер вместе со всей историей России мчался с этой машиной по Эрмитажу без остановки все полтора часа; что актеров и массовки было занято более 1000 человек, пудры для грима закуплено 3 ведра, а специальных «исторических» пуговиц изготовлено 6500 штук; что подобный фильм не имеет прецен-

тов, по крайней мере в России. Хотя в мировой кинематографической практике подобные эксперименты были, и не раз, например, у Хичкока.

В одном из интервью Сокуров жаловался, что Европа вообще готова нас не замечать, что европейцы знают про нас куда меньше, чем мы про них. Значит, давайте устроим за границей небольшой, в полтора часа ликбез? Покажем наконец, что такое наш, русский, ковчег культуры? Возможно, это и неплохо. К тому же кассовые сборы «Ковчег» в Америке оказались более чем сносными — за время проката в США, по словам американцев, последняя сокуровская картина собрала около миллиона долларов (по другим данным — 1 млн. 800 тыс.). Для российского фильма

это совсем неплохо. Причем Сокуров и его продюсеры связывались с тамошними прокатчиками напрямую. За год немецко-российский «Ковчег» повидало едва ли не полмира — США, Германия, Бразилия, Япония, Португалия... Сейчас фильм идет в прокате в 20 (!) странах. Вот только Россия в эти полмира почему-то не вошла, и лишь на минувшей неделе «Ковчег» всплыл на родине, сначала в Санкт-Петербурге, и вот теперь — в Москве. Причем московскую премьеру устроили в Киноцентре, Большой зал которого раза в три меньше, чем, например, зал в Доме кино. Помнится, как нагнетался ажиотаж вокруг «Тельца», когда буквально накануне премьеры ее отменили и перенесли на неизвестное время. Совсем недавно Сокуров снял фильм с голосованием на «Золотого орла», объяснив это тем, что фильм еще не готов, и попросил номинировать его в следующем году. Для Канн был готов, для Северной и Южной Америки, для Японии — готов. Для «Золотого орла» — уж простите... Зато теперь вряд ли у кого возникнут сомнения относительно того, кто в следующем году «Орла» и получит. Теперь вроде и не награждать как-то неудобно будет. Чуть раньше Сокуров попросил Европейскую киноакадемию убрать из списка номинантов на премию академии в номинации «лучший оператор» Тильмана Бюттнера, того самого, кто носился по Эрмитажу с 35-килограммовой камерой. Мол, были-таки издержки в его работе, повлекшие некоторые убытки (было бы странно, если бы, осуществляя столь тяжкий режиссерский замысел, оператор ни разу не ошибся). Жест странный и не очень симпатичный просто по человечески, учитывая адскую работу Бюттнера. Правда, бюджет для такого ударного проекта невелик — 2,5 млн. долл., да и родное государство кое-что для каннского любимца наскребло, но, говорят, именно немецкая

компания «Эголи Тоссель Фильм» настропалила режиссера, недовольная убытком в полмиллиона долларов. Долгосрочные виды на немецкие деньги плюс потребность в скандале — вот так и поспорил Александр Николаевич с Европейской киноакадемией. Жестокий самопиар, которым мастерски в последние годы овладел Сокуров, Бюттнера в лучшие операторы не пустил.

Нести русскую культуру в западные массы — дело благородное. И прибыльное. Если при этом ты еще не кричишь на каждом углу о возрождении России вкупе с ее искусством, не объявляешь себя громогласно радетелем России, которую мы потеряли, или России, какой она могла бы быть; если ты не пытаешься на глазах у всех открывать ногой дверь в высокие кабинеты и не дружишь с их хозяевами; если ты хоть и русский, но это немного объясняет; если ты тихо на западные деньги делаешь кино для узкого круга соотечественников и широких кругов от Парижа до Находки далее везде — ты вполне потянешь на истинного радателя родной культуры. Славы хочется каждому художнику. Кто-то для этого готов, презрев собственное славное прошлое в искусстве, стать Главным Хранителем Государственной Культуры, как сделал это Никита Михалков. Кто-то, презрев государственный официоз, тоже готов стать Главным Хранителем, только неофициальным, так сказать, теньвым. Один больше работает на внутреннем рынке, другой — на международном. Результат — примерно один. Только ко второму пиетета — побольше, потому что истошных криков на русскую тему поменьше да фильмы снимают все же качественные (справедливости ради заметим, что, увлекшись коммерцией и самопиаром, Сокуров талант сохранил-таки), дивидендов — более чем достаточно. Русские миссионеры от культуры, похоже, на Западе опять входят в моду. ■